

УДК 930.1 (09)

СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

© 2011 г. Б. В. Виноградов

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт

В статье анализируется положение славянского населения в «национальных» северокавказских субъектах РФ в контексте исторических особенностей складывания российского Северного Кавказа, специфики горского традиционного уклада и характера национально-государственного строительства в СССР и современной России.

Ключевые слова: российский Северный Кавказ; славянское население; горский традиционный уклад; «титульные» народы; паразитарная этноэкономика; этнократические правящие элиты.

Slavic population's status in «national» North Caucasus constituent territories of the Russian federation is analyzed in the article within the context of historical peculiarities of Russian North Caucasus formation, the specific character of Caucasian traditional lifestyle and the character of national-state development in the USSR and nowadays Russia.

Key words: Russian North Caucasus; Slavic population; Caucasian traditional lifestyle; titular ethnic groups; parasitical ethnoeconomy; the ethnocratic ruling elites.

Не подлежит сомнению, что современное положение славянского населения Северного Кавказа необходимо рассматривать в контексте тех событий, явлений и процессов, которые имеют место в регионе в течение двух десятилетий после развала СССР. В данном смысле местная специфика обнаруживает взаимосвязь с общей социально-политической ситуацией на «постсоветском пространстве», ведь нестабильность в его рамках порождала и продолжает генерировать ряд весьма трудноразрешимых проблем в конкретных регионах. Вместе с тем, с другой стороны, из региональных проявлений формируется общая картина происходящего в Российской Федерации и «ближнем зарубежье», так что явное взаимовлияние здесь очевидно.

Следует признать, что особенности современной жизни славян Северного Кавказа нуждаются в историческом анализе, раскрывающем долговременные тенденции и противоречия складывания и исторического бытия нашего региона как составной части российского, а затем — советского государ-

ства. Положение славянского и так называемого «руссоязычного» населения региона в «позднесоветском» прошлом и в последнее время уже стали предметом специальных исследований [1, с. 80–85; 2, с. 90–94; 4, с. 5–9; 5, с. 70–79; 6, с. 126–196; 7, с. 21–27; 9; 10].

Формирование российского Северного Кавказа происходило на протяжении нескольких столетий и включало в себя и такой необходимый элемент как совместное проживание в одном регионе славян и горских народов, их социально-культурное «совместничество», которое не могло налаживаться и существовать без проблем объективного и субъективного свойства. Начнем с того, что славянское население Северного Кавказа, за исключением некоторых наиболее ранних казачьих сообществ, появлялось здесь в результате государственной политики России, являлось как бы составляющей этой политики, и, так или иначе, изначально находилось или же вовлекалось в сферу действия государственного уклада. Данная констатация распространяется и на советский период исторического

бытия российского Северного Кавказа. В то же время, горские этносоциальные сообщества в процессе своей интеграции в российское государственно-правовое поле, находились на до- или полугосударственном уровне развития, то есть существовала значительная «стадиальная разница» между субъектами взаимодействия. Горский традиционный социально-культурный уклад оказался лишь частично подверженным трансформации со стороны российского, а затем советского государства. И данный фактор наложил заметный и долговременный отпечаток на характер взаимоотношений славян и горских народов, на социально-политическую и культурную жизнь региона в целом. Не секрет, что горский традиционный уклад изначально предполагал высокую степень этнической и «клановой» сплоченности, что во многом определяло еще в XVIII–XIX веках многочисленные проблемы и конфликты горцев с российскими властями. Подобная сплоченность, переходящая нередко в корпоративность, в немалой мере сохранилась и в советский период, очень своеобразно приспособившись к реалиям социалистического строительства. Заметим, что у славянского населения, в полной мере подверженного капиталистической, а затем и социалистической модернизации, такой сплоченности не было, и нет в настоящее время. Русский народ, являясь государствообразующим, на протяжении длительного исторического периода обеспечивал государственные интересы в регионе, и, так или иначе с государством связывал защиту собственных интересов. Вместе с тем, в течении XX века русское и казачье население Северного Кавказа не раз выступало в качестве «разменной монеты» в политических играх советского и российского руководства [7, с. 25].

Советское национально-государственное строительство предусматривало создание в регионе автономных образований горских народов, пытаясь таким образом компенсировать действительные и мнимые (значительной частью) упущения «царской» национальной политики. Таким образом, применительно к автономным республикам Северного Кавказа неофициально, но фактически очень значимо появляются понятия «титульные народы» и «нетитульные народы». В число

последних попало, прежде всего, славянское население, обеспечивавшее, нелишне заметить, развитие промышленности, здравоохранения, системы образования национальных автономий. Опять-таки негласно такая система этнической стратификации приводила к усечению реальных прав «нетитульных» народов. Крушение советской власти и соответствующих официальных ценностей и приоритетов максимально обострило данную проблему [10].

Даже если абстрагироваться от ситуации в таких кризисных регионах Северного Кавказа как Чечня, Ингушетия и Дагестан, то на деле получается, что современные «национальные» северокавказские субъекты Российской Федерации, несмотря на действие в них Конституции РФ и ее законов, де-факто обеспечивают прежде всего интересы «титульных» этносов (или даже кланов, к которым относится высшее их руководство; наиболее яркий пример — современная Чеченская Республика). Данная негласная практика функционирует через воспроизводство ряда приоритетов и ценностей горского традиционного уклада [6, с. 155, 158, 159, 170–171]. В этих условиях реально разобщенному славянскому населению чрезвычайно сложно отстаивать свои права и насущные потребности не только в Чечне, Ингушетии и Дагестане, но и в Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии. И даже в отсутствие прямого насилия или морального террора со стороны представителей «титульных» этносов (как то было в недалеком прошлом, например, в Чечне и Ингушетии) продолжается исход славянского населения из большинства «национальных» северокавказских субъектов РФ. Нелишне здесь заметить, что эта тенденция негативно сказывается на производственной сфере данных субъектов Российской Федерации, и их бюджеты, и в советское время пополнявшиеся из «центра», становятся все в большей степени дотационными. Представители «титульных» народов, кстати, охотно к этому привыкают и воспринимают как должное. В совокупности со значительной криминализацией, коррумпированностью и клановостью в социально-экономической сфере, с преобладающим характером деятельности северокавказских диаспор, все это позволяет

говорить о наличии в «национальных» северокавказских субъектах РФ паразитарных этноэкономик.

Проблема современного положения славянского населения на Северном Кавказе усугубляется еще и тем, что в массовом сознании горских народов русские являются носителями «разрушенной культуры» [6, с. 161–162], и для подобного суждения имеются, к сожалению, некоторые основания. Вместе с тем, к собственной культурной традиции у горских народов отношение однозначно положительное и совершенно не критичное. Верно замечание, что «Кавказец нагружен своей культурой, он несет ее ... еще и к сведению русского» [10]. Любопытно, что в системе культурных и поведенческих координат горцев центральное место занимает мужественность, с необходимостью ее постоянного доказывания. При этом «центральные» русские (славянские) личностные качества, такие как миролюбие, открытость, добросердечие в традиционном горском сознании воспринимаются как проявление слабости, женских, а не мужских качеств [10]. Между тем, постоянные демонстрации некоторыми представителями горских народов собственной «мужественности» нередко носили и носят агрессивный и противоправный характер, и объектами этих «маскулинных проявлений» являлись и являются русские и «русскоязычные», не имеющие выраженной этнической и родственной сплоченности. Нелишне будет заметить, что агрессивный поведенческий стандарт представители горских народов (особенно молодежь, в силу традиционного социализирующего его значения [8]) демонстрируют и за пределами своих этнических территорий, чему есть многочисленные современные примеры. И это вовсе не способствует нормальному их «общезитию» со славянскими и другими народами на бескрайних просторах Российской Федерации.

Русские же, как носители «разрушенной культуры», воспринимаются некоторыми представителями «титulyных» народов в качестве такого «перекати-поля», без рода, племени, да и родины. Не вследствие ли этого ядром культуры «титulyного доминирования» на Северном Кавказе является постулат: «то, что недопустимо в отношении своих, допустимо в отношении русских»? [10].

Обозначенная неліцеприятная проблематика усугубляется еще и тем, что современные северокавказские «национальные» историки конструируют такую модель прошлого «своих» народов, в которой они всегда и во всем правы, а носителями «вечной неправоты» имперского колониализма и т. п. подспудно выставляются пришлые русские и славяне в целом. Подобные «исторические реконструкции» стали выступать в качестве необходимого элемента положительной этнической идентификации горских народов [3, с. 86–90]. Любопытно и показательно, что этноцентричные, нередко откровенно анти-русские исторические опусы издаются, в условиях дотационности северокавказских «национальных» республик, фактически за счет средств российского же бюджета, то есть за счет, в том числе, хронического недофинансирования центральных областей России, заселенных русскими. В данном контексте рассуждения правящих национальных элит этнократических по сути образований, что от русского народа-де никто не требует покаяний и сатисфакций за «имперские грехи» повисают в воздухе, не соответствуя региональной действительности последних десятилетий.

Поставленные проблемы современного положения славян Северного Кавказа, хочется верить, не имеют характер абсолютный и непреодолимый, ведь славянско-горское взаимодействие насыщено за несколько столетий своей истории и многочисленными положительными тенденциями и примерами. Но и не замечать их совершенно невозможно, подобные самоутрачивания уже были в позднесоветский период. Особенно нагляден пример Чечено-Ингушетии, которая накануне череды известных трагических событий именовалась местным руководством оазисом межнационального мира и благополучия. Бесспорно, что объективный анализ и поиски решения проблем намного важнее бодрых реляций и безудержно оптимистических отчетов.

Литература

1. Великая Н. Н., Дударев С. Л. Из истории русского населения Чечни. // Россия на рубеже тысячелетий: итоги и проблемы раз-

вития. — Армавир, 2000. — С. 80–85.

2. *Виноградов Б. В., Свистельников А. А.* Славянская община в событиях «Чеченской революции». // Россия и славянский мир в контексте многополярности. Материалы VII Международной научной конференции. — Славянск-на-Кубани, 2010. — С. 90–94.

3. *Виноградов Б. В.* К проблеме фактора этнической идентификации горских народов в оценивании причин и проявлений Северокавказского кризиса XIX века. // Из истории и культуры народов Северного Кавказа. Вып. 3. — Ставрополь, 2011. — С. 86–90.

4. *Дзадзиев А. Б.* Изменения этнического состава сельского населения автономных республик Северного Кавказа (1960 — первая половина 1980-х гг.). // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. — Л., 1989. — С. 5–9.

5. *Добаев И. П.* Ситуация в республиках Северного Кавказа в контексте угроз и вызовов национальной безопасности России. // Новая Евразия: Россия и страны дальнего зарубежья. Аналитический альманах. — 2008. — №2 (19). — С. 70–79.

6. *Дударев С. Л.* Трудными дорогами

совместничества (размышления о статье А. Цуциева «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов»). // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 15. — М.; Армавир, 2009. — С. 126–196.

7. *Дударев С. Л.* Россия там, где русские (к современному положению русских и «русскоязычных» на Северном Кавказе). // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 16. — М.; Армавир, 2010. — С. 21–27.

8. *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции народов Кавказа. — СПб.: Наука, 1996. — 312 с.

9. *Максудов С.* Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. — М.: ИГПИ, 2010. — 480 с.

10. *Цуциев А.* Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. // Дружба народов. — 2005. — №10. — С. 153–176. [Электронный ресурс] / Центральная отраслевая библиотека по физической культуре и спорту. — Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocID=126265&DocQuerID=NULL&DocTypeID=NULL&OF...-8,506>, свободный (15.01.2012). — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

21 сентября 2011 г.

Борис Витальевич Виноградов — доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории и методики ее преподавания Славянского-на-Кубани государственного педагогического института.

Boris Vitalievich Vinogradov — Ph.D., Doctor of History, professor, docent at History and Methodology of Teaching History department of Slavyansk-na-Kubani State Pedagogical Institute.

353562, Краснодарский кр., г. Славянск-на-Кубани, ул. Щорса, д. 4-б
4-b Shchorsa st., 353562, Slavyansk-na-Kubani, Krasnodarskiy kr., Russia
Тел.: + 7 (918) 257-44-07; e-mail: vinogradov.b@mail.ru